

От примирения с действительностью к апологии разрушения

К вопросу о развитии гегельянства Михаила Бакунина

Дынник Михаил

1927

Пожелтевшие от времени страницы «Московского Наблюдателя» за 1838 г., «Отечественных Записок» за 1840 г. и «Deutsche Jahrbücher» за 1842 г. сохраняют уже около столетия дерзкие мысли молодого Бакунина.

Его предисловие к переводу «Гимназических речей» Гегеля впервые провозгласило на страницах русской печати двусмысленное «примирение с действительностью», незаконченная статья «О философии» видела сущность истинного мировоззрения в искании порядка и бога, а через два года статья в левогегельяном журнале увенчала гегелевскую диалектику бунтарским лозунгом: «Страсть к разрушению есть творческая страсть».

От примирения с действительностью к апологии разрушения — таков путь, пройденный Михаилом Бакуниным за краткий промежуток времени, отделяющий его третью статью от первой; но есть внутренняя логика в этом развитии мысли, развитии столь неожиданном, что даже проницательный Герцен, приветствуя автора революционной статьи, помещённой в «Deutsche Jahrbücher», не узнал в манатом французе Жюле Элизаре своего знакомого и соотечественника.

Для того, чтобы вычертить траекторию мысли Бакунина в бурный период (бурный, как вся его жизнь) 1838—1842 гг., необходимо учесть и отметить, что гегельянской пропаганде в Москве и Берлине предшествовало ученичество в Прямухине.

1837 год прошёл для Бакунина под знаком пристального изучения Гегеля. Прямухинские конспекты показывают, как настойчиво углублялся он в энциклопедию абсолютного идеализма, с каким упорством все снова и снова распутывал тройные узлы диалектических хитросплетений.

В Москве — кружок Станкевича, бесконечные споры молодых гегельянцев; для Ба-

кунина и Белинского это была подготовка к общественным выступлениям за «примирение с действительностью». «Нет параграфа во всех трёх частях Логике, в двух — Эстетики, Энциклопедии и пр., который бы не был взят отчаянными спорами нескольких ночей», — говорит о кружке Станкевича Герцен в «Былом и Думах»).

Первый печатный призыв к примирению с действительностью на основе гегелевской философии был не только личным выступлением Бакунина, но и событием русской общественной мысли, своего рода политической декларацией, а вместе с тем опубликованием тезисов, в значительной мере продуманных членами кружка сообща.

«Предисловие переводчика к «Гимназическим речам» Гегеля» начинается резким выпадом против «ужасной, бессмысленной анархии умов, которая составляет главную болезнь нашего нового поколения, — отвлечённого, призрачного, чуждого всякой действительности». Фантастическим, произвольным, небывалым миром, созданным отвлечённой философией, Бакунин противопоставляет действительный мир, «естественную и духовную действительность».

«До сих пор философия и отвлечённость, призрачность и отсутствие всякой действительности были тождественны; кто занимается философией, тот необходимо протиснулся с действительностью и бродит в этом болезненном отчуждении от всякой естественной и духовной действительности, в каких-то фантастических, произвольных, небывалых мирах, или вооружается против действительного мира и мнит, что в осуществлении конечных положений его конечного рассудка и конечных целей его конечного произвола заключается все благо человечества, и не знает, бедный, что действительный мир выше его жалкой и бессильной индивидуальности, не знает, что болезнь и зло заключаются не в действительности, а в нем самом, в его собственной отвлечённости». (М. Бакунин, Предисловие переводчика к «Гимназическим речам» Гегеля, 1838)

Таким образом, русское гегельянство, продолжая борьбу немецкого объективного идеализма с философией субъективизма, уже в первом своём манифесте ополчилось против призрачной отвлечённости мысли, против индивидуализма конечного произвола и ограниченности конечного рассудка, выступая на защиту разумного, а не рассудочного познания действительности в её необходимом, историческом развитии, перед лицом которого утопические цели отдельной личности бессильны и жалки.

Уже в бакунинском конспекте гегелевской «Энциклопедии» мы читаем: «...должно заметить, что философия не имеет другого предмета, кроме действительности». (М. Бакунин, Энциклопедия Гегеля; § 6; Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, Приложение IV, стр. 703. М. 1915)

Сравнивая «Предисловие переводчика» с прямухинским конспектом и с самой «Энциклопедией» Гегеля, легко убедиться, что терминологически и по существу ба-

кунинская статья непосредственно примыкает к основным положениям системы германского философа.

Гегель, как известно, противопоставлял опыту и рассудку, как низшим формам познания, его высшую форму — разум; в своём конспекте «Энциклопедии» Бакунин тщательно отмечает это положение гегельянства (особенно в §§ 8 и 9 Введения): в «Предисловии» же он самым решительным образом выступает против конечных положений конечного рассудка, бессильного познать действительный мир, и противопоставляет рассудку высший элемент мышления — «разум, который разрешает все противоречия».

Так как конкретность, по Гегелю, является тождеством противоположностей, составляющим предмет диалектического мышления, то конечный рассудок вынужден удовлетвориться формальной логикой, принципом отвлечённого тождества, и конкретной целостности разума противопоставляется мёртвый призрак рассудка.

Таким образом, нападки Бакунина на «отвлечённость и призрачность конечного рассудка, для которого нет ничего конкретного и который превращает всякую жизнь в смерть», вполне последовательны для правоверного гегельянца.

Следует подчеркнуть при этом социальную устремлённость бакунинской мысли; всеобщее недоверчивое отношение к до-гегельянской философии он признает весьма основательным, так как она, благодаря своей отвлечённости, оказывает на человека разрушающее влияние, вместо того, чтоб приближать его к действительной жизни, «вместо того, чтоб образовать из него полезного и действительного члена общества».

Историческое развитие новой философии Бакунин рассматривает опять-таки с точки зрения гегельянства; в этом случае, как и во многих других, прямая линия ведёт к «Предисловию переводчика» от прямых записей, в чем не трудно убедиться путём сравнительного изучения текстов.

В «Предисловии переводчика» мы читаем: «Реформация потрясла его (папизма. — М. Д.) авторитет, но вместе потрясла и всякий другой авторитет и дала повод к бесконечным исследованиям во всех сферах жизни. Сюда принадлежит возрождение эмпирических наук и философии. Эмпирические науки, ограниченные созерцанием конечного мира, мира, доступного конечности чувственного, внешнего и внутреннего созерцания, быстро подвигались вперёд и в короткое время ознаменовались блистательным успехом; но вне конечного мира лежала ещё другая сфера, недоступная чувственному созерцанию,—сфера духа, абсолютного, безусловного, и эта сфера сделалась предметом философии».

В конспекте же гегелевской «Энциклопедии» Бакуниным было записано: § 7 «...после Реформации, когда свобода была возвращена размышлению, философией называли всякую теорию, охватывающую общие, постоянные законы в бесконечном мире

эмпирических преходящих единичностей, а потому и содержание философии было взято из эмпирических, внешних и внутренних созерцаний и наблюдений». § 8: «...опытнее знание, сначала удовлетворительное, не заключало, однако же, в себе другой сферы предметов: свободы, духа, бела. Не то, чтоб опыт об них не знал, нет, он знает об них, потому что они входят в сознание в форме чувства, но потому что они проявляются по содержанию своему бесконечными».

Гегелевская мысль об исторической обусловленности каждой отдельной системы, о постепенном приближении разума к познанию истины руководила Бакуниным в его анализе немецкой философии—Канта, Фихте, Якоби, и французской—Вольтера, Руссо, Дидро, Даламбера. В отношении к Канту особенно ярко проявляется гегельянство Бакунина. «Канту пришла в голову странная мысль, — пишет он в «Предисловии переводчика», — проверить способность познания, прежде приступления к самому познанию. Эта проверка составляет содержание его «Критики чистого разума», но спрашивается: какое же орудие употребил он для проверки познавательной способности, как не эту же самую познавательную способность?»

Таким образом, в своей критике Канта Бакунин всецело присоединяется к позиции Гегеля, говорившего, что стремление исследовать природу разума, прежде чем приступить к самому познанию, подобно намерению некоего схоластика научиться плавать прежде, чем идти в воду. В «Энциклопедии» Гегеля мы читаем: «Одно из основных воззрений критической философии есть то, что прежде, чем приступить к познанию бога, сущности вещей и т.п., необходимо исследовать, может ли паша способность знания вести к нему, потому что нужно прежде знать инструмент, чем предпринимать труд, который должен быть исполнен с его помощью... Эта мысль оказалась так проста, что она возбудила всеобщее удивление и согласие и отвлекла ум от предметов знания, чтобы сосредоточить его на познании самого себя, на познании формальных элементов мысли». (Hegel, Werke, Berlin, 1840, VI. Encyclopädie, I. Logik, S. 16)

В бакунинском конспекте «Энциклопедии» эта мысль Гегеля передана следующим образом: «Главное основание критической философии есть исследование, познание познавательной способности прежде приступления к познанию. Мысль эта, долго увлекавшая всех, противоречит самой себе — для того, чтобы познать познавательную способность, должно употребить неисследованную познавательную способность».

Как видно из этого сопоставления, бакунинская характеристика Канта является почти дословным переводом отрывка из «Энциклопедии», сначала проконспектированного в Прямухине, а затем с незначительными изменениями повторённого в «Предисловии переводчика».

Для Бакунина, как и для Гегеля, философия есть наука о действительности,— вот почему основным недостатком философии Канта и Фихте он считает её оторванность от действительности, её гносеологический субъективизм; система Якоби была

выражением «прекраснодушия», отказа от мышления: Шиллер в своих драмах «Коварство и любовь» и «Разбойники», восставая против общественного порядка, также заплатил дань прекраснодушию, но, преодолев отвлечённость своим учением о конкретном единстве субъекта и объекта, положил начало возврату философской мысли к действительности.

«Шеллинг возвёл это единство до абсолютного начала, и, наконец, система Гегеля венчала это долгое стремление ума к действительности: что действительно, то разумно, и что разумно, то действительно.

«Вот основа философии Гегеля, основа, которая нашла ещё много противников между призрачными современниками великого берлинского философа, а особенно возбудила негодование в рядах этой смешной юной Германии, которая хотела переделать своё умное отечество по своим детским фантазиям».

Итак, объектом философского познания Бакунин, целиком следуя за Гегелем, признает действительность, которая долита, быть единственным основанием истинного мировоззрения. Отсюда — его нападки на французский материализм XVIII века, это «творчество неодухотворенной плоти».

Выступая на защиту религии и государства, Бакунин (кто узнает в нём будущего апостола анархии!) резеда ополчается против революции: «...Революция была необходимым следствием этого духовного развращения. Где нет религии, там не может быть государства, и революция была отрицанием всякого государства, всякого законного порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила всё, что только хоть несколько возвышалось над бессмысленной толпой».

В применении к эпохе Николая I примирение с действительностью оказалось апологией «крепкого и действительного русского человека, преданного царю и отечеству».

Христианство, царь и отечество — таковы идеологические атрибуты гегелевской действительности в интерпретации «Предисловия переводчика».

Примирение с действительностью Бакунин назвал великой задачей своего времени. «Будем надеяться, — говорит он, — что новое поколение сроднится, наконец, с нашею прекрасной русской действительностью и что, оставив все пустые претензии на гениальность, оно ощутит, наконец, в себе законную потребность быть действительными русскими людьми».

Необходимо отметить, что этот путь — от системы гегельянства к политическому консерватизму на основе учения о действительности — был проделан Бакуниным опять-таки по следам самого Гегеля, чья философия должна была служить идеологической подпоркой для прусского трона. И в то же время философия эта была действительно «алгеброю революции», как назвал её Герцен. В этом — противоречие

между системой объективного идеализма, претендующей на абсолютную значимость, и диалектическим методом, утверждавшим историческую преемственность мировоззрений.

Впоследствии Фридрих Энгельс показал, что гегелевский тезис: действительное—разумно, развивается в свой антитезис: действительное—неразумно; теория исторического материализма, «сохранив» гегельянство, разрешила и это противоречие.

«Ни одно из философских положений, — говорит Фридрих Энгельс, — не было предметом такого сочувствия со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов, как знаменитое положение Гегеля: «Все действительное — разумно, все разумное — действительно».

Ведь оно, очевидно, было оправданием всего существующего, философским освящением деспотизма, полицейского государства, келейных расправ, цензуры. Так думал Фридрих-Вильгельм III, так думали его подданные. Но у Гегеля далеко не всё существующее—действительно. Атрибут действительности принадлежит лишь тому, что в то же время необходимо... «По мере развития, всё, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, своё право на существование, свою разумность». (Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 28, М. 1918)

Нельзя забывать, однако, что подобное истолкование «действительности» является уже дальнейшим выводом из философии Гегеля: «Вышеприведённые взгляды, — говорит Фридрих Энгельс, — изложены нами гораздо резче, чем они изложены у Гегеля. Они представляют собою вывод, к которому неизбежно приводит: его метод, но этот вывод никогда не был сделан им самим с такой ясностью». (Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 31, М. 1918)

Как мы видели, Бакунин в «Предисловии переводчика» не делает этого революционного вывода из гегелевского учения о разумной действительности и целиком придерживается консервативного его истолкования, т.е., другими словами, он следует за Гегелем, не опережая его ни на шаг, а вернее — даже несколько отставая от него, так как проблема взаимоотношения между «действительным» и «существующим», поставленная Гегелем, не была затронута в этой статье.

Бакунин в 1838 г. не имел, да и не мог иметь, данных для преодоления гегелевской системы, которая в «Предисловии переводчика» выступает на первый план по сравнению с методом.

Применяя гегельянство к условиям «прекрасной русской действительности» эпохи Николая I, Бакунин целиком сохранил учение о действительности в его гносеологической части; что же касается политических выводов, то в этой области ему пришлось апологию прусской монархии заменить апологией монархии русской.

Под этой уродливой скорлупой политического преклонения перед тогдашней дей-

ствительностью (вместе с Бакуниным к тому же пришел и Белинский) скрывалась, однако, весьма здоровая мысль, ибо философский смысл бакунинского примирения с «прекрасной русской действительностью» состоял в требовании конкретности мышления.

Вот что говорит Плеханов о «русской образованной молодёжи тридцатых годов»:

«Русская действительность», — крепостное право, деспотизм, всемогущество полиции, цензура и проч., — казалась ей несправедливой. Она с невольным сочувствием вспоминала о недавней тогда попытке декабристов изменить к лучшему наши общественные отношения. Но она, — по крайней мере самые даровитые люди в её среде, — уже не довольствовалась ни отвлечённым революционным отрицанием XVIII века, ни кичливым и себялюбивым отрицанием романтиков. Благодаря Гегелю она стала уже гораздо требовательнее. Она говорила себе: «Докажи разумность своего отрицания, оправдай его объективными законами общественного развития или откажись от него, как от личной прихоти, как от ребяческого каприза». Но оправдать отрицание русской действительности внутренними законами развития самой этой действительности — значило решить такую задачу, которая не по силам самому Гегелю». И дальше:

«После всего сказанного понятно, почему молодые русские последователи Гегеля начали полным примирением с русской «действительностью»: не оправданное теоретически, их отрицательное отношение к ней лишалось в их глазах всякого разумного нрава на существование. Отказываясь от него, они самоотверженно и бескорыстно приносили свои собственные стремления в жертву философской добросовестности». (Г. Плеханов, Примечания к «Людвигу Фейербаху» Энгельса. (Сочинения, т. VIII стр. 362—363.) Об этом же см. Г. Плеханов, Виссарион Григорьевич Белинский. (Сочинения, т. XXIII, стр. 121.))

Под знаком философской добросовестности, о которой говорит Плеханов, было написано и «Предисловие переводчика», впервые на страницах русской печати сформулировавшее проблему конкретного мышления в философии и политике, — проблему, только значительно позднее разрешённую для России, но уже не гегельянцами, а марксистами.

Внимательного читателя бакунинского «Предисловия» должно поразить то обстоятельство, что в этой статье, целиком посвящённой проблеме примирения с действительностью, не дано подробного анализа самого понятия «действительность». Между тем, именно то или иное понимание «действительности» могло послужить отправным пунктом для изложения и критики гегельянства. Марксистское преодоление гегелевской философии, как мы уже видели раньше, в значительной мере опирается именно на анализ и расшифровку «действительности».

Однако было бы ошибкой предположить, что проблема анализа действительности прошла незамеченной для Бакунина: для этого он был слишком усердным учеником

и слишком восторженным поклонником немецкого диалектика.

В письме 1838 г., приведённом у Корнилова («Молодые годы Михаила Бакунина», стр. 404 — 405, М. 1915), Бакунин пишет: «Чем ближе мы к действительности, тем ближе мы к истине и тем истиннее, тем пламеннее взаимная любовь наша... Понять и полюбить действительность — вот все назначение человека. Я говорю здесь не о том, что обыкновенно понимают под словом действительность: стул, стол, собака, Варвара Дмитриевна, Александра Ивановна,— всё это мёртвая, призрачная, а не живая и не истинная действительность. И в нас также есть призрачная действительность — это рассудок, когда, выйдя из своей законной сферы, из сферы познания конечных предметов, он входит в сферу бесконечного. Мы все воспитаны в этом призраке — в рассудке — и потому все должны освободиться от него. Освобождение от рассудка есть мысль, основанная на откровении. В нас всех теперь живут и борются два противоположных элемента: откровение и рассудок... Посредница между этими двумя противоположными элементами нашей жизни есть мысль, которая вырывает ум наш из конечного определения рассудка и преобразует его в разум, для которого нет противоречий и для которого всё благо и всё прекрасно. И потому, друзья мои, мыслите, а не рассуждайте».

Цитируемое письмо особенно важно для нас потому, что оно позволяет понять ту позицию, исходя из которой Бакунин обрушился на Белинского за его понимание действительности.

Равным образом и конспект «Энциклопедии» свидетельствует о том интересе, какой проявлялся Бакуниным по отношению к понятию «действительность».

Интересно, что знаменитая формула «Что разумно — то действительно, и что действительно — то разумно», в «Предисловии» приведённая без каких-либо комментариев по существу понятия «действительность», в конспекте сопровождается целым параграфом, значение которого для развития бакунинской мысли громадно.

«Что Разумно — то действительно, п что действительно — то Разумно.

Против этого положения, выговоренного в первый раз в введении Философии Права, нападали и нападают со всех сторон; сперва должно условиться в том, что такое действительность, и отличить её от случайности, имеющей возможность быть не так и иначе: в Религии это положение выговорено очень ясно в представлении, что Бог управляет миром. Положению этому противоречит мысль, что Идеи — Химеры и вся философия — система подобных Химер, и другая, что Идеалы слишком совершенны для того, чтоб осуществиться в действительности.

Но разделение Действительности и Идеи всего более производится рассудком, который считает овей отвлечённые мечты за нечто истинное и предписывает Долг. — Если б мир был таков, каким, по мнению его, должен быть, то куда б девалось его пресловутое д о л ж е н; а если он не таков, то не слаба ли истина, которая не

имеет силы покорить себе действительность. Рассудок этот может быть и прав, когда он со своим д о л ж е н обращается к внешним, случайным, пошлым предметам, постановлениям, положениям и т.д., которые могут в известном частном круге и в известном времени иметь большую относительную действительность; но в сфере философии это нелепо, потому что (философия имеет предметом Идею, слишком сильную для того, чтоб не мочь проявиться в действительности».

Как видно уже из приведённых цитат, «Предисловие переводчика» отнюдь не исчерпало всего материала, проработанного Бакуниным при изучении сущности «действительности».

С другой стороны, нельзя забывать того спора, какой возник между Бакуниным и Белинским по поводу примирения с действительностью. Подробное рассмотрение этого специального вопроса не входит в задачи настоящей статьи, — напомним, однако, что учение Белинского о действительности Бакунин считал «искажением своей подлинной мысли и доказательством низменности натуры Белинского».

Сам же Белинский в письме к Бакунину говорит, что в горниле его духа «выработалось самобытно значение великого слова «действительность». (Белинский, Письма. Под редакцией Е. А. Ляцкого. I, стр. 228, СПб. 1914)

В этом самобытном значении действительность была для Белинского «чудовищем, вооружённым железными когтями и железными челюстями»; на этом основании Белинский говорил о необходимости полного подчинения существующему строю, а примирение с жизнью понимал как абсолютный квиетизм, как приятие всего существующего во всей его пошлости, грубости и прозаичности. Примирение с действительностью в понимании Белинского приняло форму теоретического и практического фатализма, приемлющего целиком полицейский режим Николая I.

Бакунин, уже преодолевший свои аналогичные настроения, называл этот взгляд Белинского на действительность механическим и резко подчёркивал его несоответствие философии Гегеля.

В письме к Станкевичу от 13 мая 1839 г. Бакунин писал:

«Я давно не видал Виссариона, но судя по тому, что о нем рассказывают, судя по проявлениям его ненависти (действительной или мнимой, — не знаю) к нам, — он должен быть в ужасно тяжёлом состоянии духа. Он, кажется, совершенно отдался движениям и побуждениям своей грубой чувственности, в которой он видит ту святую действительность, о которой говорил Гегель; он дошёл до того, что всякий пошлый действительный человек стал для него идеалом, и в одном письме ко мне он серьёзно завидовал и советовал мне завидовать действительности какого-то Мосолова, который любит лошадей и который выучился английскому языку, потому что на нём написано много сочинений о лошадиных свойствах и достоинствах; он ругает (или, по крайней мере, ругал — теперь не знаю как) Шиллера дураком за то, будто бы,

что он принёс ему большой вред своим идеальным направлением». (См. Ю. Стеклов, Михаил Александрович Бакунин, т. I, стр. 72—76, М. 1920)

Анализ действительности, как мы видим, самым живым образом занимал наших гегельянцев, и вполне естественным представляется, что Михаил Бакунин посвятил ему почти целиком большую статью «О философии», напечатанную в IX томе «Отечественных записок» за 1840 год.

Интересно отметить, что в письме к Станкевичу от 10 декабря 1839 г. Грановский писал: «Мишель написал очень умную статью для «Отечественных записок». Умно, дельно и просто».

Обращаемся к этой статье.

Исходным пунктом всего построения является указание на противоречивость существующих оценок философии: для одних она — пустая игра воображения, отрывающая человека от действительности и из здорового, полезного члена общества превращающая его в болезненное и бесполезное существо; для других — философия — высшая наука, разливающая свет на все отрасли знания, «единственное средство к примирению человека, уже подпавшего раз пагубному влиянию скептицизма, с действительностью, с небом и землёй». Разрешение этого противоречия Бакунин и ставит задачей своей статьи.

Если мы вспомним, что «Предисловие переводчика» конструктивно является противоположением философии «прекраснодушия» и философии действительности в её гегельянском преломлении, то очевидно станет, что в статье своей «О философии» Михаил Бакунин продолжает пень мыслей, первые звенья которой были даны в «Предисловии».

Его первая статья была своего рода агитационным выступлением на пользу гегельянства в форме призыва к примирению с действительностью; вторая статья, дополняя первую, должна была раскрыть по существу основные положения философии действительности. При этом следует подчеркнуть также, что социальная устремлённость мысли Бакунина, отличающая первую статью, остаётся характерным признаком и второй. Философия действительности в его понимании, это — мировоззрение действительного, полезного члена общества.

Для разрешения вышеуказанного противоречия в оценке философии Бакунин считает необходимым прежде всего определить, что такое философия, и, исходя из её определения, ответить на вопросы: полезна ли философия и возможна ли она? Статья осталась неоконченной, и в напечатанной части рассматривается только первая проблема.

В своём определении философии Бакунин целиком и безоговорочно примыкает к

Гегелю.

«Предмет философии, — говорит он, — не есть отвлечённое-конечное, точно так же, как и не отвлечённое-бесконечное, но конкретное, неразрывное единство того и другого: действительная истина и истинная действительность.

Итак, философия есть познание истины. Гегель, увенчавший системою своею величественное здание новой германской философии, говорит, что теперь настало время, когда философия из любви к мудрости, в истине — должна превратиться в действительное знание истины» (М. Бакунин, О философии. «Отечественные записки». 1840, IX, стр. 58. «Der Ausdruck von objektiven Gedanken bezeichnet die Wahrheit, welche der absolute Gegenstand, nicht bloß das Ziel der Philosophie sein soll». (Hegel, *ibid.* p. 59)).

При дальнейшем уточнении определения философии Бакунин анализирует понятия «знание» и «истина», причём на первый план им выдвигается необходимость как одно из главных определений истины.

Тем самым этот ход мысли русского гегельянца сороковых годов приобретает особое значение, так как именно в необходимости, как атрибуте действительности, заключается одна из революционных, взрывчатых сил гегелевской философии.

Преодоление фатальной действительности «с железными когтями и железными челюстями» было возможно (как это ни кажется странным с первого взгляда) именно путём рассмотрения необходимости как атрибута действительности. Всё действительное разумно, но всё необходимо развивается; бывшее разумным становится неразумным.

Действительное не следует отождествлять с существующим.

«Когда я знаю, например, что в моей комнате стоит стол, то ведь это также знание истины, потому что стол в самом деле стоит в моей комнате; по крайней мере, многие из наших врагов философии не посовестятся назвать такое знание истинным; а если и посовестятся, то не иначе, как изменив своему тайному началу, состоящему в отрицании всякой другой истины, кроме бесконечного многообразия случайностей, наполняющих мир. Что стол стоит в моей комнате — может быть совершенно справедливо, но это её более, как случайность, не заключающая в себе никакого интереса и не имеющая права на название истины, ибо одно из главных определений истины есть необходимость».

Приведённый отрывок из статьи «О философии», столь ярко характеризующий бакунинское понимание действительности в духе Гегеля, начинает собою ряд абзацев принципиального значения.

Прежде всего, анализ понятия «необходимость» приводит Бакунина к детермини-

стическому пониманию истории.

«В наше время многие отрицают пребывание «необходимости» в истории, а следовательно, видят в ней не более, как пустую игру случайностей, и, несмотря на это, утверждают пользу истории и называют её наукою. Но в этом заключается явное противоречие: если всемирная история в самом деле не более, как бессмысленный ряд случайностей, то она не может интересовать человека, не может быть предметом его знания и не в состоянии быть ему полезною».

Далее Бакунин подчёркивает монистический характер философии действительности и указывает, что гегельянство выяснило неразрывное и разумное единство всеобщего и особенного, бесконечного и конечного, единого и многообразного; сама гегелевская философия явилась результатом всемогущей диалектики исторического развития духа.

Как гегельянец, т. е., другими словами, как объективный идеалист, Бакунин под термином «истина» подразумевает «абсолютную, т. е. единую, необходимую, всеобщую и бесконечную, истину, осуществляющуюся в многообразии и в конечности действительного мира».

Но если философия есть знание абсолютной истины, если ее предметом является всеобщее и необходимое, то, спрашивается, чем философское знание отличается от эмпирических наук, отыскивающих всеобщие и необходимые законы и причины отдельных явлений.

Отличие это Бакунин, следуя за Гегелем, видит в том, что «эмпиризм (разумая под этим словом как безжизненное собрание фактов, так и теории) не может удовлетворить познающего духа; его нельзя назвать действительным знанием истины, потому что он не в состоянии обнять её; он но в состоянии возвыситься до истинно-всеобщего и единого начала и не в состоянии указать необходимость развития и осуществления этого начала в многообразии действительного мира; вследствие этого он не может даже доказать необходимость тех общих законов, тех относительных всеобщностей, которые ему доступны».

Как видно из приведённого материала, статья «О философии» является логическим развитием «Предисловия переводчика»: пропаганда философии действительности дополняется анализом самих понятий «(философия» и «действительность»; вместе с тем, «примирение с действительностью» изживается путём рассмотрения необходимости как атрибута действительности, чем проводится резкая демаркационная линия между понятиями «существующее» и «действительность». (К 1840 г. от «примирения с действительностью» отказался и Белинский: «Проклинаю моё гнусное стремление к примирению с действительностью» и «Я не сойду, не помирюсь с пошлою действительностью, но счастья жду от одних фантазий и только в них бываю счастлив. Действительность — это палач». — Белинский, Письма. Под ред. Ляцкого, т.

II, стр. 163 и 166, СПб. 1914. (Письмо к Боткину от 4 октября 1840 г.))

Наряду с этим анализ таких понятий, как «необходимость», «детерминизм в истории», «единство истины», вплотную подводит Бакунина к задаче рассмотрения метода философии Гегеля; в обещанной второй половине статьи автор собирался показать, каким образом «самостоятельное и необходимое развитие самого духа» делает возможным истинно-философское знание, однако статья «О философии» так и осталась незаконченной, и показателем дальнейшего развития гегельянства Бакунина является уже статья «Реакция в Германии», напечатанная в 1842 г. в «Deutsche Jahrbücher».

В 1840 г., выполняя давно задуманный план, Бакунин переехал в Германию, где целиком был захвачен революционным движением в философии и политике.

Если на фоне такой отсталой экономически и политически страны, какой была николаевская Россия тридцатых годов, философия Гегеля не достаточно чётко обрисовала, в понимании Бакунина, свой диалектический смысл (хотя уже там он усвоил революционное значение самого понятия «действительность»), то в Германии, завершая параболу своего истолкования объективного идеализма, он примкнул к левому флангу гегелевского лагеря.

«Европа переживала тогда критический период назревания революции. После подавления революционных движений двадцатых и тридцатых годов приближался новый вал, которому суждено было в 1848 г. захлестнуть все европейские троны. Италия не переставала бороться за национальную независимость и соединение; Франция бурлила, как котёл, подготавливая социальные выступления пролетариата; сама богобоязненная и филистерская Германия собиралась нарушить свою репутацию лояльности. В Германии началась и крепла борьба буржуазии против полу-феодальной монархии. В самой буржуазии выделилось левое, радикальное крыло с республиканскими тенденциями и смутно-социалистическими симпатиями, питавшимися из обильного источника утопических школ и начинавшего поднимать голову революционного коммунизма. И эта школа радикалов, особенно группа «берлинских молодых», с которыми у Бакунина установились связи, подвергла пересмотру все господствовавшие воззрения, в том числе и философскую систему Гегеля. Появилась, школа «левых гегельянцев», дававшая философское выражение назревающим революционным стремлениям». (Ю. Стеклов, Михаил Александрович Бакунин, т. I, стр. 90, М. 1920)

В статье своей «Реакция в Германии» Бакунин главное внимание, в противоположность московским статьям, обращает на диалектику Гегеля и применяет её, в качестве метода, к рассмотрению политических противоречий тогдашней Европы.

Путь мысли Жюль Элизара проходит от логики непосредственно в область политики, и, сделав крайние революционные выводы из философии Гегеля, Бакунин попреж-

нему остаётся объективным идеалистом.

«Свобода, реализация свободы («Freiheit, Realisierung der Freiheit») — кто станет отрицать, что это слово стоит на первом месте в порядке дня истории. И друг, и враг должны это признать, и никто не осмелится открыто и смело признать себя врагом свободы». (Jules Elysard, *Die Reaction in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen.* – *Deutsche Jahrbücher*, 1842)

Однако в действительности,— говорят Жюль Элизар,— существует много врагов свободы; из них, прежде всего, следует назвать представителей старого поколения, а затем и молодых людей из аристократии, мещанства, коммерсантов и чиновничества.

Не останавливаясь подробно на этих двух первых группах врагов свободы, Бакунин переходит к третьей категории «противников принципа революции» — к реакционной партии.

Замечательно, что Бакунин реализацию свободы отождествляет с революцией («Es gibt aber noch eine dritte Kategorie von Gegnern des Princips der Revolution»); вся статья является по существу приложением гегелевской диалектики к разрешению вопросов политической жизни тогдашней Европы, – революционной прокламацией, пропущенной близоруким цензором по недосмотру.

Обращаясь к рассмотрению реакционной партии, Бакунин прежде всего указывает, что она отнюдь «не игра случая, но имеет своё глубокое основание в развитии современного духа».

То примирение с действительностью, о котором говорило «Предисловие переводчика», оплодотворённое анализом действительности, данным в статье «О философии», здесь выступает как требование реальной политики, как обоснование революционных задач на основе диалектического рассмотрения движущих сил истории и революции. (Не следует забывать, конечно, при этом, что и здесь Бакунин остаётся гегельянцем, т.е. объективным идеалистом, понимая исторический процесс как «саморазвитие духа».)

«Вообще я не отвожу случайности никакого действительного значения в истории»,— говорит Бакунин, повторяя мысль своей второй статьи; по его указанию, назвать господство реакции случайным значит оказать демократии (т. е. революции) плохую услугу.

Революционер отнюдь не должен строить свои планы на преуменьшении силы реакции; наоборот: «нет ничего полезнее для демократической партии, как признание своей временной слабости и относительной силы своего противника; благодаря этому признанию она впервые приходит от неопределённости фантазии

к действительности, в которой она должна жить, страдать, и, наконец, победить».

Так завершился переход мысли Бакунина от примирения с действительностью к обоснованию революции на основе анализа действительности, рассматриваемой с точки зрения необходимости.

Революция победит окончательно тогда, когда демократия будет понята не только как оппозиция против господствующей реакции, не только как отдельные конституционные или политико-экономические изменения, но как полный переворот (Umwandlung), никогда ещё не имевший места в истории и полагающий начало совершенно новой жизни. В этом смысле демократия должна стать религией, т.е. не только проводить свои принципы в мышлении и рассуждении, но и оставаться им верной в действительной жизни до самых малейших явлений. Как видно из контекста, термин «религия» употребляется здесь Бакуниным не в своём обычном значении, но в смысле совпадения теории и практики.

Сила реакционной партии не случайна, но необходима; реакция имеет свою опору не в недостаточности (Unzulänglichkeit) демократического принципа, но в недостаточности демократической партии, которая ещё не пришла к положительному пониманию своего принципа и поэтому существует только как отрицание наличной действительности. Понимаемая только как отрицание, демократия ставит себя вне всей полноты жизни; поэтому она до сих пор остаётся партией, а не живой действительностью (lebendige Wirklichkeit), будущим, а не настоящим, — в чем и состоит её недостаток.

По своей сущности, по своему принципу демократическая партия является всеобщим (Allgemeines), всеобъемлющим, но по своему существованию, как партия, она только особое (Besonderes) отрицательное, чему противопоставляется другое особое — положительное.

Учение Гегеля о диалектическом процессе, об историческом развитии абсолютного духа применяется Бакуниным к практике политической жизни; борьба демократии с реакцией и окончательная победа революции рассматриваются им как борьба антитезиса с тезисом, разрешаемая конечным синтезом.

Задачи демократии — не только в отрицании, но и в преодолении реакции; для этого в самой демократии должно произойти изменение, и притом не только количественное, что привело бы к абсолютному отрицанию, но изменение качественное, новое, живое и живительное откровение (Offenbarung), новое небо и новая земля, юный мир, в котором все противоречивые диссонансы разрешаются в гармоническое единство.

Таким образом, диалектика Гегеля, применённая Бакуниным к рассмотрению вопросов политической жизни, приводит его к провозглашению революции, целиком изменяющей существующие социальные отношения, — революции, совершающей

переход от количества к качеству, т.е. полагающей начало совершенно новому социальному строю, к которому приведёт необходимость исторического развития п в котором борьба реакции и демократии будет разрешена полной реализацией свободы.

Никакое посредничество между демократией и реакцией, между отрицательным и положительным,—невозможно; наоборот, отрицательное свою силу почерпает в положительном — в реакции.

Напрасно демократии ставят в вину её отрицательное значение; отрицательное не изолировано от положительного, вся его сущность, содержание и жизненность заключаются в разрушении положительного, и примирения между ними не может быть.

Детерминистическое понимание истории, характерное уже для автора статьи «О философии», раскрывается здесь Жюлем Элпзаром во всем своём гегельяпско-диалектическом смысле, и противоречие признается основной движущей силой общественного развития.

«Die Herren sind an die Logik Hegels zu verweisen, wo die Kategorie des Gegensatzes so schön behandelt ist».

Главнейшей категорией, господствующим бытием «нашего времени» Жюль Элизар признает противоречие и на этом основании называет Гегеля «величайшим философом нашего времени, величайшей вершиной нашей современной односторонне-теоретической культуры», так как именно учение о противоречии и его имманентном развитии является одним из важнейших отделов гегелевской философии.

Как мы видим, переход от примирения с действительностью к революционной борьбе с реакцией для Бакунина был одновременно переходом от системы Гегеля к его диалектике; анализ «разумной действительности» вскрыл её действительные противоречия, и если в предисловии к переводу «Гимназических речей» Гегеля примирение с действительностью было названо великой задачей нашего времени, то в статье «Реакция в Германии» противоречие признается «главнейшей категорией нашего времени».

Равным образом, требование примирения с действительностью, первоначально, в применении к политической жизни, истолкованное Бакуниным реакционно, здесь диалектически разрешается в требование конкретности политического мышления, учёта действительных сил реакции и изучения диалектики исторического развития.

В конечном итоге Бакунин отчётливо понял, что философия действительности вовсе не обозначает необходимости политического примирения с этой действительностью, что дело обстоит совершенно иначе и что социальные противоречия,

характеризующие действительность, борьба положительного и отрицательного, реакции и революции, делают особенно ценным в гегельянстве именно его диалектический метод, а не систему философии.

Рассматривая логическую природу противоречия, Жюль Элизар указывает, что противоречие является абсолютным и истинным лишь в совокупности обоих своих односторонних членов: положительного и отрицательного. Однако все нападки на односторонность его противоречащих членов покоятся на недоразумении; полнота противоречия есть скрытая полнота для себя (*eine an sich seiende verborgene Totalität*), будучи же действительностью, противоречие осуществляется не как полнота, но как раздвоение обоих своих членов.

Положительное может отрешиться от своей односторонности только через связанное с ним отрицательное; отсюда вытекает великая историческая роль революции.

«Всё конечное не ограничено только извне, но, по собственной природе, снимается и переходит в своё противоположное». (Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 134. Пер. Чижова, М. 1861)

Если логическое противоречие не допускает примирения между своими членами, то параллельно о этом по может быть примирения и в области социальных противоречий. «Стабилизация реакции» перед революцией 1848 г. не могла заставить Бакунина отказаться от диалектического рассмотрения политической действительности. Утверждению реакционеров, что революция прошла, что наступила эпоха социального мира и спокойствия, он противопоставляет заявление, что никогда ещё социальные противоречия не были столь обострёнными, ибо свобода, равенство и братство обозначают «полное уничтожение существующих политических и социальных отношений».

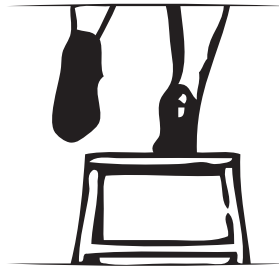
Гегелевский саморазвивающийся дух понимается Жюлем Элизаром как революционный дух, потрясший мир, снова вернувшийся «in sich» и, как крот, роющийся под землёю, совершающий своё дело в Англии, Франции, России.

Вера в конечную победу этого революционного, вечного духа, который именно., потому разрушает, что является живительным источником всякой жизни, и заставляет Бакунина закончить статью исторической фразой:

«Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust».

«Страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Дынник Михаил
От примирения с действительностью к апологии разрушения
К вопросу о развитии гегельянства Михаила Бакунина
1927

Скопировано 13.07.2026 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3819>
Летописи марксизма, Nr. 4 / 1927 г.
[https://archive.org/details/annals_of_marxism/
Annals%20of%20Marxism%201927%20%2304/mode/2up](https://archive.org/details/annals_of_marxism/Annals%20of%20Marxism%201927%20%2304/mode/2up)

ru.anarchistlibraries.net